

— А-Цзю.

Хуанфу Цзюнь обернулся и, увидев Юнь Су, облаченного в ярко-желтый императорский халат, отвесил поклон.

— До меня дошли слова лекаря Мо, что у тебя, А-Цзю, обострился недуг Бабочкиной любви, — Юнь Су перехватил левую руку Хуанфу Цзюня, которую тот пытался спрятать, и в его глазах отразилась глубокая печаль. — Когда ты успел полюбить того человека? И почему не сказал мне?

Хуанфу Цзюнь с силой вырвал руку и спокойно посмотрел на императора:

— Вашему Величеству не о чем беспокоиться. Я исполню свое обещание: пока я жив, никто не посмеет посягнуть на границы государства Юнь.

У Юнь Су перехватило дыхание. Неужели А-Цзю думает, что он тревожится о нем лишь из-за этого нелепого обещания?

— Я не это имел в виду... А-Цзю...

Не успел он произнести то, что таилось в глубине его души, как Хуанфу Цзюнь развернулся и ушел, бросив на прощание лишь холодное:

— Мне пора. Опоздать к началу — дурной знак.

Войдя в чертоги Цзигуан, Хуанфу Цзюнь произнес:

— Лань Жо, помоги мне одеться.

— Слушаюсь, девятый дядя.

Маг по имени Лань Жо развязал пояс на одеянии Хуанфу Цзюня. Увидев на его теле синяки и следы от прикосновений, он невольно усмехнулся:

— Все твердят, что девятый дядя бесстрастен и холоден, а вы, оказывается, провели ночь перед жертвоприношением в пылких объятиях. Похоже, людская молва лжива.

Хуанфу Цзюнь поджал губы. Воспоминания о безумстве минувшей ночи вызвали на его лице мягкую, нежную улыбку — такую искреннюю, что даже Лань Жо замер, пораженный. Опомившись, маг мысленно упрекнул себя в отсутствии самообладания. Мать Хуанфу Цзюня была писаной красавицей, но даже рядом с ней он не испытывал подобного трепета.

Пока Лань Жо помогал ему облачиться, он коснулся запястья принца, чтобы прощупать пульс, и нахмурился:

— Девятый дядя, вы не только поражены Бабочкиной любовью, но и... влюбились по-настоящему?

Хуанфу Цзюнь в ответ сжал тонкую шею мага:

— Ты, маг, должен знать: есть можно что угодно, а вот болтать что попало — опасно.

Лань Жо моргнул своими ярко-зелеными глазами и легко убрал руку принца:

— В свое время вдовствующая императрица поручила мне помогать вам, девятый дядя, а значит, я должен быть наблюдателем.

Говоря это, Лань Жо затянул на талии Хуанфу Цзюня последний пояс, расшитый причудливыми древними письменами. Закончив, он уложил длинные волосы принца, закрепил золотую ленту и опустил перед ним на одно колено:

— Я, Лань Жо, приветствую девятого принца.

Хуанфу Цзюнь был озадачен:

— Почему ты назвал меня девятым принцем?

— Принцесса Хуанфу приказала мне оберегать вас. Она знала, что в вашей судьбе уготовано испытание. Я полагал, что смогу защитить вас, но даже не заметил, когда вы поддались Бабочкиной любви. Это моя вина.

— Ты говоришь, матушка приказала тебе остаться здесь... Но я никогда не видел ее. Откуда ей было знать о моей судьбе?

— Принцесса она просто... вернулась домой.

Лань Жо опустил взгляд в пол. В те годы принцесса не могла поступить иначе: если бы она не ушла, принца бы...

— Готовься к ритуалу, — Хуанфу Цзюнь не хотел обсуждать мать. Облачившись, он взял посох и направился к алтарю.

Лань Жо не терял надежды. Он окликнул Хуанфу Цзюня:

— Если когда-нибудь вы захотите узнать правду о своем происхождении или о том, как исцелиться от Бабочкиной любви, приходите ко мне.

Хуанфу Цзюнь лишь слегка кивнул в знак того, что услышал. Поначалу он не придавал значения словам мага, но упоминание способа исцеления заставило его насторожиться.

Хотя с неба продолжали падать снежинки, у алтаря уже собрались все высшие чиновники. Под торжественный звон колоколов человек в белоснежных одеждах, опираясь на посох, медленно ступил на площадь. У него были прекрасные, завораживающие светло-золотистые глаза, а лицо — нежнее, чем у любой красавицы. Его распущенные волосы, словно водопад, струились по плечам, развеваясь на ветру вместе с золотой лентой. С каждым его шагом звон бубенцов становился все отчетливее.

Он взмахнул посохом, и воздух наполнился тонким, пьянящим ароматом. Читая сложные, древние заклинания, он молил богов о благословении для страны Юнь, об избавлении от бедствий, о здоровье народа и о мире без войн.

Хуанфу Цзюнь был полностью сосредоточен на чтении, как вдруг в груди вспыхнула необъяснимая, разрывающая сердце боль. Он нахмурился, с такой силой вцепившись в посох, что костяшки пальцев побелели. Не прерывая движений, он сделал глубокий вдох и продолжил ритуал.

<http://bllate.org/book/21730/2245833>